

ГЛАВА 10. ИСТОРИЧЕСКИЕ МИФЫ КАК ФУНДАМЕНТ ИДЕНТИЧНОСТИ

На протяжении последних 50 лет концепт идентификации и идентичности приобрел существенное значение в социальных науках. Ученые из разных областей знания интересуются трансформацией идентичностей: глобализация обострила стремление к защите собственной идентичности и способности сопротивляться (*Castells M. 2009*). Вместе с тем глобализация в значительной степени привела к изменению границ идентичностей и, соответственно, культур, которые теперь все меньше и меньше соотносятся с границами национальных государств и все больше и больше - со смыслами и значениями разных бытовых жизненных явлений и стремлениями индивидов создавать свои собственные индивидуальные культуры (*McCracken G. 2008*).

Появление новых медиа вносит определенные коррективы в современные системы идентификации людей. Новые интерактивные медиа поднимают вопрос о новых формах идентичности, не связанных с этносом и культурой, но связанных, например, с протестными явлениями. Возникают новые формы сетевой организованной идентификации, которая структурирует политические и социальные протесты (*Castells M. 2012; Bennett L. (ed.) 2008*)).

Идентичность новых поколений

Теорию Поколений создали американские ученые Нейл Хоув и Вильям Штраус в 1991 году. Теория поколений была адаптирована для российских реалий в 2003-2004 году группой Е. Шамис — координатора проекта *Rugenerations* (*Теория поколений в России. <http://rugenerations.su/category/авторы/евгени>*

я-шамис-авторы/). В соответствии с этой теорией поколение определяют не столько возрастные показатели, сколько система ценностей. В основу также положены ценности представителей среднего класса, между тем в России понятие «средний класс» не имеет однозначной трактовки. Например, к среднему классу относят себя две группы людей — с определенным экономическим достатком и с высшее образование.

Ценности поколений формируются в возрасте до 10-12 лет, под влиянием событий (общественных, политических, экономических, социальных, технологических) и воспитания в семье (что хорошо и плохо, что можно делать и что нельзя). Например, если он растет во времена кризиса, голода и войны — он осваивает технологии, которые хорошо работают в эти периоды, и у него появляются определенные ценности (экономность, умение довольствоваться малым); если он растет

во времена процветания и экономического роста, то его успешные технологии и ценности другие (умение работать с перспективой, активность, настрой на победу).

В соответствии с результатами указанного исследования сейчас в России живут и работают представители следующих поколений:

- Поколение GI (1900-1923 г.р.);
- Молчаливое поколение (1923-1943 г.р.);
- Поколение Беби-Бумеров (1943-1963 г.р.);
- Поколение X (1963-1984 г.р.);
- Поколение Милениум или Y (1984-2000 г.р.);
- Поколение Z (с 2000 г.р.).

Проблема идентичности новых поколений имеет не только теоретический, но и вполне прагматический характер. Повышенное внимание к проблемам молодежи объясняется ее особой ролью в общественном воспроизвод-

стве. Молодежь всегда была и остается наиболее активной и динамичной социально-возрастной группой, реализующей себя во всех сферах жизнедеятельности общества: политической, социальной, культурной, экономической. Данная социально-демографическая группа в большей степени, чем другие, нацелена на повышение своего социального статуса и освоение новых социальных ролей. Ее можно рассматривать, с одной стороны, как наиболее адаптирующуюся, а с другой - инициативную и инновационную часть социума, которая составляет примерно 20-35% населения индустриальных стран, в том числе около 40% трудоспособной его составляющей. Таким образом, молодежь - самая социально активная часть населения, которая представляет собой наиболее перспективную группу граждан, способных обеспечить реализацию ключевых направлений развития общества.

Формирование идентичности

Рассуждая об искусственно сконструированных «биографиях наций», Б. Андерсон писал: «Сознание помещенности в мирской, последовательно поступательный поток времени, со всей вытекающей отсюда непрерывностью, но вместе с тем и с "забвением" переживания этой непрерывности - продуктом разрывов, произошедших на исходе XVIII века, - рождает потребность в нарративе "идентичности"» (Андерсон Б. 2001).

Однако такого рода потребности в историческом нарративе этнической, этноконфессиональной, этнополитической идентичности, как, впрочем, и яркие свидетельства разрывов в социокультурной памяти, обнаруживаются и в гораздо более ранние эпохи всемирной истории, когда современной «индустрии памяти» не было и в помине. Тем не менее, и без новых

инструментов и технологий целостность мифологического полотна памяти с течением времени (при отсутствии катастроф глобального масштаба), как правило, восстанавливалась (Репина <http://roii.ru/dialogue/roii-dialogue-21.pdf>)

История и идентичность

Историческая память – «важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо разделение оживляемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования и интеграции социальных групп в настоящем» (*История и память 2006. С. 23*).

Она включает в себя исторические символы и архетипы, которые обеспечивают передачу сведений о прошлом. «Человек, не яв-

ляющийся носителем исторической памяти, выпадает из социума, становясь желанной мишенью для манипуляций его сознанием и поведением» (Лебец 2008. С. 64).

Особенно податливым становится человеческое сознание, когда речь заходит о вопросах идентичности.

Циркулирующие в обществе представления о прошлом занимают ключевое место в структуре идентичности. Каждый человек несет в своем сознании память о прошлой эпохе, сохраняемой благодаря определенным семейным событиям, передаваемым от поколения к поколению, несет определенные настроения, вызванные воспоминаниями прошлого. Благодаря этим воспоминаниям в нашем сознании соединяются все модусы времени (воспоминания от прошлого, картина реальности настоящего и прогнозы и ожидания на будущее). Именно благодаря памяти мы обнаруживаем, что прошлое оставило

множество следов в настоящем. Память о прошлом присутствует и в структуре коллективного сознания социальных сообществ.

Поскольку поддержание идентичности требует ощущения непрерывности истории, постольку функциональное значение любой памяти в том, что она, связывая прошлое и настоящее, помогает человеку сохранить свою идентичность во времени, помогает обрести новую идентичность в изменяющемся времени.

Особый интерес вызывают события 1917 года. Спустя почти столетие после рассматриваемых событий интерес к русским революциям не ослабевает, а между представителями разных мировоззренческих и историографических направлений продолжается жаркая дискуссия. Одни исследователи утверждают, что материалистическое понимание истории К. Маркса и Ф. Энгельса и формационный подход сохранили свою акту-

альность, несмотря на все события XX-XXI столетий и активное развитие цивилизационного подхода к историческому процессу. А это означает, что 1917 год в России был неизбежен и более того, будущее столкновение капитализма и социализма также неотвратимо.

Другие обвиняют во всем российскую бездарную власть и элиту, которые вместо того, чтобы заниматься реформами и образованием, маниакально бросали русских солдат в походы умирать за свои личные клинические прихоти (*Понасенков <http://echo.msk.ru/blog/eponasenkov/948614-echo/>*).

Третьи полагают, что 1917 год стал следствием внутреннего кризиса отечественной духовности. Некоторые исследователи полагают, что одной из основных причин революции были негативные изменения в отечественной духовности, в частности, в рядах священнослужителей Русской Православной

церкви, среди которых «были невероятно сильны антигосударственные настроения. Особенно это было заметно во время февральской революции 1917 года, когда иерархи церкви неожиданно для многих не только не поддержали самодержавие, но и активно приветствовали Временное правительство».

Выступающий привел немало примеров того, как в семинариях процветали социалистические и либеральные увлечения: «Почти в каждой российской семинарии когда-либо существовал тайный кружок. Не была исключением и Вятская духовная семинария. Вывод печален: процент выходцев из духовного сословия в среде революционеров был непропорционально велик: "Среди народников дети духовенства составляли 22%, в то время как в населении страны доля духовенства составляла лишь 0,9%. Лидеры РСДРП(б) А.И. Микоян, Н.Н. Подвойский и даже... И.В. Сталин вышли из стен духовной

семинарии» (*Всероссийская научная конференция "1917 год: революции в России"* <http://www.portal-slovo.ru/history/39081.php0>).

В процесс обсуждения событий 1917 года включился и Министр культуры России Владимир Мединский, который выступил 20 мая 2015 года в Музее Современной истории России на круглом столе «100 лет Великой российской революции: осмысление во имя консолидации» и сформулировал ряд тезисов, способствующих национальному примирению в стране. По его мнению, произошедшая в 1917 году Великая российская революция навсегда останется одним из важнейших событий XX века. При всем расхождении взглядов на события почти столетней давности невозможно отрицать тот факт, что попытка построения на земле нового справедливого общества решающим образом изменила пути исторического развития России и оказала громадное влияние на прогресс наро-

дов всей планеты. Революционная трансформация России положила начало новому глобальному мировому проекту. Прошедшие 100 лет показали, что существует живая преемственность в развитии страны от Российской империи к Советскому Союзу и далее — к Российской Федерации. При этом объективное изучение периода революции позволяет нам сегодня осознать всю трагичность раскола общества на противоборствующие стороны. Но нельзя постоянно делить предков на однозначно правых и виноватых, ведь каждая сторона по-своему понимала, как добиться процветания Родины. И «красными», и «белыми» двигал патриотизм. Дань уважения предкам является лучшим стимулом для нового витка духовного развития.

В. Мединский сформулировал пять коротких тезисов, которые предлагается использовать для общественного обсуждения при

выработке единой платформы национального примирения:

- признание преемственности исторического развития от Российской империи через СССР к современной России;

- осознание трагизма общественного раскола, вызванного событиями 1917 года и Гражданской войны;

- уважение к памяти героев обеих сторон («красных» и «белых»), искренне отстаивавших свои идеалы и невинных в массовых репрессиях и военных преступлениях;

- осуждение идеологии революционного террора;

- понимание ошибочности ставки на помощь зарубежных «союзников» во внутриполитической борьбе (*Документ дня <http://lenta.ru/articles/2015/05/20/medinskyvoice/>*).

Мифология идентичности

Ссылаясь на работы многих современных авторов, Ю.П. Зарецкий убедительно доказывает, что этническая и национальная идентичность миллионов людей основывается на иллюзиях и мифах. Это может быть этногенетический миф - миф об общем происхождении (общем предке), представление об особой территории, признаваемой «исторической родиной», и общем *групповом* прошлом (неважно - реальном или предполагаемом) составляющих осознаваемую общность индивидов (живых и канувших в Лету). В рамках цельного историко-мифологического полотна мифы о происхождении, месте обитания и расселения, об общих предках, культурных героях, славных предводителях и мудрых правителях древности, о «судьбоносных» событиях общего прошлого, запечатленные в «преданьях старины глубокой» и

систематически воспроизводимые в ритуалах, символах и текстах, выступают как основа любой этноцентристской (этнотерриториальной, этнокультурной, этноконфессиональной) идентификации.

При этом речь может идти не только о воспроизведении или переозначивании старых мифов, но и о рождении новых этноцентристских мифов, призванных четко очертить границы «своей» общности, выделив ее из более широкого территориально-политического образования или объединив несколько таких образований, в связи с чем следует, видимо, помнить о разных уровнях самоидентификации и различных измерениях (синхронном и диахронном) как индивидуальной, так и коллективной (социальной, этнической, национальной и т. д.) идентичности (*Зарецкий 2005*).

В связи с этим возникает потребность в анализе формирования отдельных исторических мифов, их конкретных функций, среды их бытования, маргинализации или реактуализации в обыденном историческом сознании, их использования и идеологической переоценки, в том числе в сменяющих друг друга или конкурирующих нарративах национальной истории (поскольку все народы осознают себя в терминах исторического опыта, уходящего корнями в прошлое).

В сети интерактивных коммуникаций происходит постоянный отбор событий, в результате чего некоторые из них подвергаются забвению, в то время как другие сохраняются, обрастают смыслами и превращаются в символы групповой идентичности. Идет процесс реинтерпретации прошлого, продуктами которого являются новые мифы.

Мифологемы современных российских медиа

Анализ продукции современных российских медиа позволяет выделить несколько устойчивых мифологем, среди которых, по мнению политолога С. Македонова, выделяются следующие:

«Первое – это образ Советского Союза, с которым его создатели связывают существование «золотого века». Для них современная Россия – не более чем обрубок СССР.

Второе – это миф о Российской империи, в котором его создатели нам предлагают «восстановить историческую преемственность».

Третье – это миф «возрождения», обретения «корней», «возвращения к истокам». Его певцами выступали и выступают деятели как этнонационалистических движений в республиках в составе России, так и всевозможных

региональных течений (казачество, например).

Интересно, что творцы всех трех мифов нередко гневно и с пристрастием осуждают друг друга, но все их лозунги при внешнем различии глубинно близки» (*Македонов // Известия. – 2006, 11 янв.*).

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что российское общество по-прежнему находится в растерянности после развала Советского Союза. Кризис идентичности стимулирует конструирование разнообразных мифов, среди которых выделяются мифы, соотнесенные с важными историческими моментами развития России: 1) дореволюционного этапа, 2) советского времени, 3) «ельцинской эпохи», 4) путинского «вставания с колен», что

отражает представления различных социальных групп о временах «лучшей жизни».

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Кучково поле. 2001. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/index.php
2. Всероссийская научная конференция "1917 год: революции в России". URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/39081.php>
3. Документ дня: Платформа национального примирения России. Министр культуры России сформулировал пять тезисов, обеспечивающих преемственность истории страны. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/05/20/medinskyvoice/>
4. Зарецкий Ю.П. История европейского индивида: От Мишле и Буркхардта до Фуко и Гринблатта. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

5. История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. – М.: Кругъ, 2006.
6. Лебец А.С. Мифотворчество как социально-философская интерпретация политического процесса // Философия права. 2008. – № 6.
7. Македонов С. Кризис национального государства и пути выхода из него // Известия. – 2006, 11 янв.
8. Понасенков Е. Чудовищные уроки 1917 года: убийство как исторический бумеранг! URL: <http://echo.msk.ru/blog/eronasenkov/948614-echo/>
9. Репина Л.П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности. URL: <http://roii.ru/dialogue/roii-dialogue-21.pdf>
10. Теория поколений в России. URL: <http://rugenerations.su/category/авторы/евгения-шамис-авторы/>

11. Bennett L. (ed.) (2008). *Civic Life Online: Learning How Digital Media Can Engage Youth*. Cambridge, MA: MIT Press.
12. Castells M. (2009). *The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society and Culture*, vol. II, London: Wiley-Blackwell.
13. Castells M. (2012). *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. N.Y.: Polity.
14. McCracken G. (2008). *Transformations: Identity Construction in Contemporary Culture*, Urbana: Illinois University Press.
15. Tomlinson J. (1999). *Globalization and Culture*, Chicago: University of Chicago Press.